

НУЖНА ЛИ НАМ БЛОКЧЕЙН-ЮРИСПРУДЕНЦИЯ?

Чеботарева А.А.¹, Правкин С.А.², Чеботарев В.Е.³

Ключевые слова: цифровые права, правовая культура, цифровая юрисдикция, цифровой профиль, суверенитет, цифровая идентичность.

Аннотация

Цель работы: определение механизма возникновения и распоряжения цифровыми правами, необходимости формирования понятийных рядов и правовых конструкций, теории «цифрового права» для создания законных условий обладания, распоряжения таким правом, на основе существующих в аналоговом праве принципов права, дополнении их новыми принципами, связанными с функционированием прав в информационных системах.

Методы исследования: общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, а также формально-логический метод и метод юридической экстраполяции.

Результаты исследования: в современный период формируется цифровая правовая культура и правовопонимание, связанные с тем, что на базе традиционных правовых институтов, иных массивов права происходит оцифровка их содержания. Возникает новое право, существующее в информационных системах на основе технологии блокчейн, как межотраслевой правовой институт цифрового права; проявляются осязаемые концепты блокчейн-юриспруденции и права нового поколения прав человека – цифровые права.

Научная новизна и практическая значимость: создание и совершенствование национальной теории «цифрового права», создание предпосылок его систематизации на основе существующих или новых способов изложения, обеспечивая надежную защиту обладателей цифровых прав и иных лиц, их приобретающих и реализующих. Понятийные ряды «цифрового права» могут также дополняться родовыми, видовыми, иными признаками. Главное на сегодняшний момент – это существующая возможность дополнения цифровыми правами набора обычных прав и наличие правил обмена одних прав на другие.

DOI: 10.24412/1994-1404-2024-4-13-22

Введение

Являются ли цифровые права правами нового поколения, вопрос неоднозначный. Необходимо предусмотреть способы возникновения, изменения и прекращения правоотношений на основе норм цифрового права. В настоящее время нормы цифрового права не сконцентрированы целостно ни в одной отрасли права. Возможно, потребуются иные массивы и способы изложения норм в статьях и иных единицах хранения цифровой информации. Способы передачи правовой информации изменились, параллельно происходит накопление огромного числа единиц хранения правовой информации, разбросанной по многочисленным правовым актам. Нужен ли Кодекс цифровых прав, необходимо ли новое направле-

ние в праве – блокчейн-юриспруденция? «Аналоговое право» постоянно дополняется нормами о цифровых правах, происходит в постоянном режиме оцифровка норм традиционного права и его правовых институтов. Осуществляется то ли замена аналогового права цифровым в «мягком» варианте, то ли «цифровое право» просто дополняет обычное право.

Обсуждение

Во второй главе Конституции, определяющей содержание основных прав и свобод, цифровые права не поименованы. В то же время цифровые права в соответствии со ст. 128 ГК РФ названы в числе «объектов

¹ **Чеботарева Анна Александровна**, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Российского университета транспорта, г. Москва, Россия. ORCID: 0000-0001-7886-1685. E-mail: a.a.chebotareva@gmail.com

² **Правкин Сергей Алексеевич**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Российского университета транспорта, г. Москва, Россия. ORCID: 0000-0003-2407-1404. E-mail: pravkin@bk.ru

³ **Чеботарев Владимир Евгеньевич**, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Морское право и международное право» Российского университета транспорта, г. Москва, Россия. ORCID: 0000-0003-0278-987X. E-mail: v.tchebotarev@gmail.com

гражданских прав». Возникновение цифрового права, распоряжение цифровыми правами связано, прежде всего, с регулированием вещных прав, правовых основ и технических протоколов работы информационных систем и правил совершения операций в них. Цифровое пространство, с одной стороны, не порождает особого вида прав, «цифровые права» возникают согласно ст. 141.1 ГК РФ в информационной системе, по правилам информационной системы. Т.е. речь идет о вещных и обязательственных правах, все иные права не поименованы цифровыми. За рубежом все права, регулирующие работу в цифровой среде, именуется цифровыми. На наш взгляд, законодатель в РФ слишком сузил предмет цифрового права в ст. 128 ГК РФ, не придав всем иным отношениям помимо отношения к вещным и обязательственным правам, свойств цифровых, даже если они возникли в информационной системе.

Таким образом, по «букве закона» в соответствии со ст. 128 ГК РФ можно называть цифровыми правами права, определенные ГК РФ. Но ст. 141.1 ГК РФ дает определение значительно шире и его можно распространить на все иные отношения в цифровой среде. Так как содержание этих прав определены на основе правил информационной системы, то и все сделки с этими правами осуществляются без обращения к посредникам на самой информационной платформе.

Эти права должны осуществляться в автоматическом режиме. Возможность распоряжаться цифровым правом означает право считаться обладателем цифрового права. В любой сделке есть управомоченное лицо и обязанное, кредитор и должник обязательства. В соответствии с содержанием ст. 141.1 ГК РФ при совершении сделки с цифровым правом обычного волеизъявления обязанного лица по цифровому праву, как в аналоговом режиме, не надо.

В самом ГК РФ регулированию цифровых прав отведено совсем мало места. Специальный правовой режим оборота цифровых прав предусмотрен ФЗ от 2 августа 2019 г. № 259 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Что же касается цифровых способов реализации обычных прав, то они являются продолжением конституционного права на получение и распространение информации и прочее. Речь также должна идти о реализации прав в цифровом пространстве. При этом нельзя отрицать существования «цифровых прав», которые уже признаны Гражданским кодексом РФ и могут свободно обмениваться на иные права, определяющие оборот вещей и исполнение обязательств. Например, содержание утилитарных цифровых прав определяется в основном спецификой инвестиционной платформы, которая регулирует оборот цифровых прав специальными положениями. «Соответственно,

возникает необходимость контроля за соответствием правил инвестиционной компании требованиям федерального законодательства» [6, с. 57].

В современных условиях также актуальной является проблема сохранения аналоговых, не цифровых, способов взаимодействия при реализации прав. Граждане должны иметь право реализовывать свои правомочия и традиционным способом, иметь право выбора. Прежде всего, должно быть обеспечено право граждан на получение информации в любой форме, обеспечение свободы выбора получения информации и услуг, необходима должная защита прав граждан в информационной сфере. Развитие цифровых технологий, появление «цифровых прав» не должно ограничивать или отменять действие уже существующих «аналоговых» прав. В полной мере необходимо обеспечить защиту гражданина от «цифровой дискриминации», создать «право на оспаривание действий информационных систем» и «операторов информационной системы», от «решений искусственного интеллекта», в полной мере реализовывать «права на отзыв» информации в цифровой среде или «личное право на забвение в цифровой среде», защиту персональных данных и «цифровой идентичности». Часто осуществление прав в интернет-среде осуществляется «в соответствии с субъективными критериями и поставленными задачами» [8, с. 17]. Необходимо выработка объективной нормативной основы для реализации режима действия цифрового права.

Регуляторная основа работы информационных систем создается, но кроме разработки специальных нормативно-правовых и иных нормативных актов, технических регламентов для преодоления фрагментарности правового регулирования требуется создание понятийных рядов и правовых конструкций цифрового права как нового направления в юриспруденции, основанного на технологии блокчейн, т. е., направления «блокчейн-юриспруденции».

Так как цифровые права поименованы в ГК РФ, т. е., закреплены в базовом кодифицированном акте, т. е. признаны, в том числе в ст. 141.1, то защита цифрового права, принадлежащего человеку – обязанность государства. В ст. 8 Конституции гарантируется свободное перемещение финансовых средств. В соответствии с Законом «О цифровых финансовых активах...» финансовые средства могут иметь форму «цифровых финансовых активов», и государство гарантирует их перемещение, в том числе – гарантирует совершение обмена аналоговых прав на цифровые права и наоборот. Цифровые права размещены и обращаются в системе по принципу распределенного реестра, блокчейн. Как и любые права, они включают в себя определенные права-требования: передачи вещей, ценных бумаг, цифровых финансовых активов. Совершение сделки отображается внесением новой записи в информационную систему, построенную по принципу распределенного реестра.

Ст. 17 Конституции устанавливает режим гарантий в отношении прав человека, а цифровые права могут

быть признаны конституционными правами нового поколения, например, избирательные права гарантируются гражданам, при этом они реализуются в том числе в системе блокчейн при электронном голосовании. Ст. 44 Конституции устанавливает, что «интеллектуальная собственность охраняется законом». Произведения литературы, фонограммы должны быть защищены. Как известно, регистрация интеллектуальных прав осуществляется «сетевым» способом, путем направления заявки, существуют права на использование доменного имени, на передачу баз данных, на защиту персональных данных в сети Интернет и пр. Способ реализации цифрового права через цифровую платформу имеет такое преимущество, что цифровые права могут быть реализованы в любом количестве [9, с. 217-220].

Информация, информационные технологии и связь согласно п. «и» ст. 71 Конституции находятся в ведении РФ. Ч. 4 ст. 29 Конституции, гарантирующая распространение информации любым способом, относится и к цифровым правам, обладатели которых тоже имеют конституционную защиту, включая обращения в претензионном и судебном порядке по поводу защиты принадлежащих лицу цифровых прав.

Получение любых государственных услуг, переведенных в электронную форму, основано на ЕСИА (единой системе идентификации и аутентификации). При этом граждане должны быть защищены и иметь возможности восстановить права в случае потери данных, когда результаты предоставления госуслуг предоставляются в электронном виде.

В соответствии со ст. 141.1 ГК РФ определение содержания цифрового права включает в себя все обязательственные и иные права. Т.е., фактически, из этого определения следует, что цифровые права могут касаться всех сторон гражданско-правового оборота. Таким образом, все права, зафиксированные в гражданском законодательстве, могут быть отнесены к цифровым правам. С другой стороны, необходимо признать, что только «у некоторых гражданских прав имеется лишь цифровая форма выражения» [3, с. 165].

Реализация права на образование по индивидуальной траектории обучения на основе регистрации на платформе ЦОС вместо обучения в аналоговой форме создает новые возможности с учетом доступа к цифровой среде обучения. Но при этом не предусмотрено право выбора, и к 2030 году все учащиеся должны иметь «цифровой профиль», для чего необходимо персональные данные учащихся передать в эту систему. Цифровизация в сфере образования помимо плюсов, связанных с освоением информационных сервисов, электронных библиотек, цифровых этапов прохождения обучения, систем контроля пройденных рубежей и проверки знаний в автоматическом режиме несет в себе отдельные риски некачественной реализации права на образование и потерю персональных данных.

Если мы говорим о «цифровом профиле» лица, то необходимо обеспечить не только «цифровую идентичность» личности, но и сохранить для обеспечения здо-

ровья детей не менее половины времени обучения в учебном заведении на основе «аналогового профиля», с применением традиционных форм обучения. Можно использовать «цифровые траектории обучения» как «дополненную реальность», как «дистанционную поддержку» аналогового режима образовательного процесса. При этом ребенок и его родители должны иметь право выбора получать образовательную услугу в цифровой или аналоговой форме.

В статье 141.1 ГК РФ зафиксировано наличие самого права, определены его признаки, но для реализации права необходимо определить порядок его осуществления или правовой режим, чего сделано не было. Фактически, технические протоколы блокчейн определяют порядок реализации цифровых прав, а не нормативные правовые акты или регламенты, основанные на них. Более того, сам закон утверждает, что цифровые права реализуются по правилам информационной системы и все! А где эти правила функционирования информационной системы определены, там в аналоговом праве определен порядок его реализации. Значит, порядок совершения сделки и порядок реализации цифрового права определены правилами работы информационной системы. И применимы ли в этом случае нормы гражданского права, связанные с порядком совершения сделок. Или мы имеем дело с иными правилами, отличными от ГК РФ. Тогда надо признать, что переход цифровых прав ГК РФ в отличие от большинства аналоговых прав, не регулирует. В ст. 128 ГК РФ в качестве объекта прав внесены цифровые права, но подобное искусственное внесение смешивает правовые режимы аналоговых и цифровых прав. Как было показано выше, режим реализации цифровых прав ГК РФ никак не регулируется. Необходимы также квалифицирующие признаки отграничения цифровых прав от иных имущественных прав [2]. Например, в специальном законодательстве о цифровых правах уже определено, что при их реализации не предполагается посредника. Но, что интересно, в отличие от классического гражданско-правового режима, где требуется достижение согласия сторон сделки, при переходе цифровых прав от одного лица к другому не требуется согласия лица, обязанного по данному праву. Фактически закреплен иной порядок совершения гражданско-правовых сделок, отличный от классического способа, связанного с согласованиями условий сторонами сделки. Теперь блокчейн регулирует обмен цифровых финансовых активов различного вида.

Но передача цифрового права при осуществлении гражданско-правовых сделок должна осуществляться при зафиксированном правовом режиме. Например, требуется для передачи права надлежащая идентификация и аутентификация, или иные определенные доказательства отождествления личности. Кроме того, роботизированные системы уже обозначаются в системе как «электронное лицо» и это входит в противоречие с законодательством. Одно дело «электронный двойник» лица, другое дело – роботизированная система,

выступающая как «электронное лицо». Другое понятие, например, «электронное правительство» не обозначает отдельного субъекта права, а лишь расширяет функционал государственного органа. Понятие «электронное лицо» широко используется в теории цифрового права, но базового нормативного определения для применения этого термина в различных правовых конструкциях аналогового или цифрового права не существует.

Другая проблема: идентификация лица, совершающего сделку в электронном виде, не всегда гарантирует абсолютный результат, поэтому здесь применяется презумпция «принадлежности цифрового права контрагенту», которая является оспоримой. Мы не можем в полной уверенности сказать, если лицо даже прошло идентификацию, что действия в информационной системе совершаются от его имени, мы предполагаем данный факт, т. е., это «правовое допущение» или «юридическая фикция». Тем более, что от имени лица может выступать его «цифровой двойник». Это может породить «проблемы действительности сделок» и определения действительности волеизъявления лица при совершении сделок. Но как оспорить сделку, совершенную «цифровым двойником», как «предъявить претензию искусственному интеллекту (ИИ)». Т.е., оспорить его решение по аналогии с тем, как мы оспариваем действия любых лиц и государственных органов.

Может ли ИИ быть субъектом права? В законодательстве ИИ не отнесен к субъектам права, значит – это лишь информационная система, за действия которой отвечает лицо, ее администрирующее. Она принадлежит определенному органу, не является с правовой точки зрения самостоятельной по аналогии с закрепленным в законодательстве «источником повышенной опасности, за действия которого отвечает «владелец источника повышенной опасности». Мы не имеем права приписывать техническим системам свойства правосубъектности, так речь в законодательстве идет о правах человека, а не искусственного интеллекта. Т.е. в противном случае получается парадокс, решения принимает лицо, не имеющее правосубъектности. Если это не итоговое решение, то можно его оспорить, предъявив претензию, иск органу или лицу, администрирующему данную систему ИИ. И оспорить можно решения и действия любой информационной системы, предъявив требования, например, к ее оператору. Весь этот порядок необходимо прописать в соответствующих блоках материального и процессуального законодательства, с определением порядка, стадий и средств такого оспаривания.

Применение биометрических данных для идентификации лица при использовании цифрового сервиса предполагает, что в соответствии с Законом «О персональных данных» их обработка может происходить лишь с согласия лица.

Электронное взаимодействие предполагает наличие не только юридических составов, но и возможности выхода на цифровые сервисы и платформы. Циф-

ровые технологии позволяют по-новому реализовать многие обычные права и обязанности в цифровом формате. Например, подать исковое заявление на портале суда, перечислить налог с помощью цифрового сервиса, открыть инвестиционный счет через банковское приложение и пр. Фактически возникло новое «поколение прав человека». При этом «информация» выступает объектом публичных, гражданских и иных правоотношений. Обмен информацией, подписанной цифровой подписью, рассматривается как аналог документированной информации.

При этом, когда так широко уже осуществляется электронное взаимодействие практически во всех сферах, не существует отдельных институтов и отраслей права, которые бы именовались «цифровыми», нет ни одной отрасли цифрового права. Хотя уже четко сформировалось, например, международное цифровое право. Важно понять, что цифровые права могут создаваться любыми лицами. При этом не определена почему-то правосубъектность таких лиц для совершения сделок с цифровыми правами, возраст, психические и иные критерии. Т.е. для обычной сделки это все определено, для сделки с цифровыми правами нет. Вероятно, законодатель распространяет режим применения аналогового права на режим применения цифрового права. Но ведь ранее было показано, что у них разные режимы осуществления. Режим реализации для цифровых прав не определен. Все определяет как бы информационная система. Станный подход, не юридический. Цифровые права именовются также токенами, которые выпускают субъекты предпринимательской деятельности, «в децентрализованной распределенной информационной системе» [4, с. 159–167]. Тогда не понятно, почему субъекты выпускают цифровые права, а не цифровые финансовые активы и прочее. Ведь, когда мы осуществляем, например, выпуск акций, мы же выпускаем акции как финансовый инструмент, а не «акционерные права». А так как в соответствии со специальными законами, регулирующими оборот цифровых прав, можно обменять цифровые утилитарные права на пакет акций в непубличном акционерном обществе, то смешиваются эти два режима.

С одной стороны в этой сделке в качестве актива выступают цифровые активы, которые, однако, именовются правами, с другой – обычный актив – акции. Или законодателю все равно, что у него цифровые права обмениваются на акции. Происходит продажа не актива, а права. Все это требует разрешения терминологической путаницы и определения в законодательстве правового режима обмена цифровых прав на «аналоговые» права. Режим эквивалентности, оценки и сопоставимости, иные характеристики этих прав в принципе не определены. Или законодатель исходит из принципа, что практика сама все отрегулирует. Или вообще нам все равно, что у нас права обмениваются на вещи. Что-то новое возникло в юриспруденции.

Скорее, наоборот, «по умолчанию» цифровые права становятся частью уже существующих институтов

и субьинститутов права. Происходит на практике так называемая «оцифровка» аналогового права. Цифровые права часто являются даже дополнением обычных прав. Например, правила электронной торговли, электронной регистрации в информационной системе, дают возможности начать определенные действия и получить не только овеществленный, но и иной правовой результат, например, при передаче товаров, при голосовании на выборах, передаче акций, паев и пр. Регистрация интеллектуальных прав в информационной системе порождает те же правовые последствия, что и аналоговые действия. Но многих характеристик цифрового права просто нет в законах, хотя его реализация осуществляется повсеместно. Нет и базовых принципов цифрового права, главных и подчиненных правовых конструкций, должных понятийных рядов. Многие цифровые права не имеют достаточной степени сравнимости друг с другом для осуществления их равноценного обмена или для сравнения их с аналоговыми правами. Т.е., цифровые права возникают в «явочном порядке» в определенном нормативно-правовом акте, без соотнесения этих прав с их содержательными характеристиками, с категориями юриспруденции и с содержанием соответствующих аналоговых прав. Таким образом, не происходит моделирование нового типа прав в соответствии с индивидуальными характеристиками каждого права; законодатель не определил характеристик (свойств) цифрового права [2].

Но некоторые характеристики отдельных цифровых прав, не относящихся ни к вещным, ни к обязательственным, все же проявляют свое действие. Например, оператор поисковой системы по требованию лица обязан прекратить выдачу ссылок, дающих информацию о нем, кроме случаев, когда речь идет, например, о совершенных преступлениях, по которым судимость не погашена или не снята и пр. Это и есть «право на забвение».

Некоторые цифровые права входят все же в противоречие друг с другом, например права, связанные с регистрацией, не всегда коррелируют с правом на анонимность в сети. Хотя «право на анонимность» нигде не зафиксировано и больше относится к разряду субъективных «природных» прав по аналогии с аналоговым правом, если оно не противоречит требованиям электронного ресурса или системы. Специальная норма отменяет действие общей. Тем более право на анонимность в сети нигде не зафиксировано и является общей правовой предпосылкой. Есть множество действий, которые просто не могут совершаться анонимно. С другой стороны, принцип применения прав, связанный с обращением криптовалют, основан на этом принципе, т.е., обязанные лица в сделках с криптовалютами не именованы, т.е., остаются анонимными.

Предвыборная агитация давно уже представлена в сети Интернет. При этом все больше избирательных прав реализуется на основе блокчейн. Т.е. избирательное законодательство предусматривает «избирательные цифровые права», связанные с соблюдением

нормативов при голосовании в электронном формате. Соответственно, Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в ст. 64.1 предусматривает «дистанционное электронное голосование». При этом определяются сроки электронного голосования, государственные информационные системы для проведения голосования, условия, при которых можно участвовать в электронном голосовании. Но данные действия предполагают соответствующий порядок аутентификации и идентификации избирателя, т.е., происходит его проверка и сравнение с информацией регистра избирателей. Существует, естественно, свой порядок электронного голосования и осуществления наблюдения, отличный от аналогового порядка, установления итогов электронного голосования. Существует связь аналогового права и цифрового, например, когда лицо, участвующее в электронном голосовании, автоматически исключается из списка избирателей на избирательном участке. При электронном голосовании необходимо обратиться на соответствующий портал, пройти необходимые процедуры, подтвердить личность и получить «доступ к голосованию».

После регистрации, при самом голосовании уже соблюдается «право на анонимность», и это не связано с Интернетом, это общее требование избирательного законодательства, связанное с тайной голосования. После завершения процедуры анонимизации лицо осуществляет переход к электронному бюллетеню. Анонимизированные данные о голосовании зашифровываются на основе технологии блокчейн в соответствующей базе данных, а после завершения голосования расшифровываются. При этом связь с аналоговым правом полностью сохранена, например, полностью соблюдена «тайна голосования». Т.е. нельзя установить связь между результатами голосования и персональными данными.

Таким образом, «избирательные права» по содержанию остаются прежними, меняется способ их реализации, т.е., происходит «оцифровка» института избирательного права. Развивается сервис «мобильный избиратель», создаются «цифровые избирательные участки», предоставляются цифровые сервисы для голосования, т.е. с точки зрения аналогового права происходит «немыслимое», происходит онлайн-голосование, соответственно «без явки» на обычный избирательный участок. При этом «дистанционное электронное голосование» является не каким-то новым или цифровым избирательным правом, а новой «цифровой формой реализации» аналогового избирательного права, так как подобные права в отечественном законодательстве к цифровым правам не относятся в отличие от зарубежного законодательства.

Но цифровая трансформация также влечет за собой соответствующую защиту прав граждан в цифровом пространстве. Как видно, цифровизация при этом совершенно не отменяет права человека. Но сторонники

«реализации исключительно аналоговых прав» и отмены цифровизации говорят при этом о существующих угрозах правам человека, например, о том, что стратегия ускоренной цифровизации входит в противоречие с ценностными основами конституционного строя.

Цифровые права формируют «цифровой суверенитет» личности. Если базовые принципы аналогового права и существующие правовые конструкции не нарушены вследствие применения цифровых сервисов, нарушения и угроз правам нет. Но здесь, как раз и возникает вопрос, о котором говорилось вначале, – о сопоставимости прав аналогового и цифрового, о наличии индивидуальных характеристик цифрового права, о том, что необходимо в ближайшее время разработать «правовые режимы», которые бы гарантировали защиту аналогового права при использовании цифровых способов его реализации и пр.

В дальнейшем развитие права как «права», возникшего в информационной системе, приведет к еще большей интеграции обычного права с цифровым, к созданию полностью «трансконтинентального» или «глобального цифрового права», разница между системами права и правовыми системами останется незначительной. Нарастающий трансграничный обмен во всех сферах и распоряжение правами с использованием информационных систем, притом, что часть прав возникает в информационной системе, создаст условия для применения трансконтинентального права и внутри страны, сначала в отдельных секторах, а затем и повсеместно. Со временем произойдет «накопительный эффект», связанный с «заменой» внутринационального права трансконтинентальным цифровым правом.

Но этого может и не произойти. Нет предостережения в данном случае. Так, страны, создавшие «суверенный» Интернет, приняли в большинстве своем законодательство о «приземлении Интернета», сформировали «пространство отчуждения» для применения международного цифрового права, защищая свой «цифровой суверенитет», выступают против введения цифровой валюты или существенно ограничивают ее оборот. Активное распространение универсального международного цифрового права, по сути, ведет даже не к доминированию одних государств над другими; по сути – это доминирование транснациональных корпораций над государствами. Второй вариант связан с различными режимами ограничения международного цифрового права внутри страны, но это будет означать сохранение в будущем национальных государств со своими системами права и правовыми системами.

Так что, появление и развитие цифровых прав ведет к решению вопроса, по какому пути развития пойдет мировое сообщество вообще или отдельные государства.

Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», заложил

основы отечественной системы маршрутизации интернет-трафика и элементов централизованного управления (Закон о «суверенном Интернете») направлен на то, чтобы развитие пошло по второму варианту, с недопущением преобладающего влияния трансконтинентального права в свою юрисдикцию. Российская Федерация нормами Конституции РФ установила ее приоритет над международными нормами, которые не применяются в случае их противоречия Конституции. Аналогичным образом должно быть создано подобие «Цифрового Кодекса», который бы закрепил базовые правовые принципы, в том числе способы разрешения коллизий в сфере международного цифрового права и трансграничного обмена цифровыми правами, и был бы направлен на создание правовых мер обеспечения суверенитета и цифрового суверенитета, в частности. В 2020 г. Министерство цифрового развития и массовых коммуникаций Российской Федерации представило проект Цифрового кодекса РФ, где были определены основы системы цифровой инфраструктуры, механизм лицензирования и сертификации цифровых услуг, установление правил доступа и использования цифровых ресурсов.

На заседании Совета при Президенте по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства РФ 1 декабря 2023 года принималось решение о разработке Цифрового кодекса. Совет дал заключение о нецелесообразности его принятия⁴.

Важно понять, что в концепции действующего законодательства и прежде всего ГК РФ, который играет роль рамочного акта по отношению к специальным законам о цифровых правах, цифровые права являются разновидностью имущественных прав наряду с бездокументарными ценными бумагами, цифровыми рублями, безналичными денежными средствами. Это, конечно, определенное проявление «цифровой политики» в сфере «легализации цифровых явлений»⁵. Следует, однако, подчеркнуть, что категория «цифровые права» всего лишь категория имущественных прав, тогда как в последнее время принято говорить о действии и реализации цифровых прав, не связанных с оборотом имущества. Все же ГК РФ называет цифровыми правами и «иные права», что создает оптимистичную предпосылку «наращивания» объема цифровых прав в самых разных сферах. На практике уже давно большинство аналоговых прав реализуется в цифровом формате. Это касается большинства государственных и муниципальных услуг, способов проведения выборов, создания цифровых офисов компании и пр. Необходимо за-

⁴ Решение о возможности разработки Цифрового кодекса Российской Федерации (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства). См. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=242045&ysclid=m2ghhs1aq3823844379#zamufRUZbGRyxKk5> (дата обращения 10.10.2024).

⁵ Базаян Е.А. О некоторых вопросах института цифровых прав как объекта гражданского права // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 67-75.

конодательно распространить категорию «цифровые права» на иные обязательственные и, что особенно важно, на неимущественные права.

Таким образом, оборот цифровых прав влияет не только на понимание суверенитета, но и создает в дальнейшем для государств право выбора между двумя этими путями. Национальное право защищает внутренние правовые ценности, а не интересы глобального сообщества. Да, отдельные механизмы применения международного цифрового права могут иметь и будут иметь место в национальных государствах. Пока цифровой суверенитет существует, замены национального права наднациональным не произойдет. Значит, должны быть созданы условия для обеспечения действия национальной «цифровой юрисдикции» государства, так как применение международных цифровых технологий, информационных систем и платформ, создает правовые решения на основе этих международных платформ, т. е., постепенно создается новый правовой порядок с «единой цифровой юрисдикцией». Такой новый принцип «действия права в пространстве» ведет к постепенной «унификации юрисдикций», суверенитетов, прав и пр.

Подходы к определению дефиниции «цифровые права»

Сама дефиниция «цифровые права» вызывает споры, в том числе из-за различного понимания цифровых прав в России и международном праве. В зарубежных государствах под цифровым правом в самом широком значении понимается «право на доступ и использование сети Интернет». То, что в Российской Федерации понимается под цифровыми правами, за рубежом называется цифровыми активами. В отечественном законодательстве неоправданно сильно сузили понимание цифровых прав, фактически цифровым активам приписав свойства цифрового права. А как же все остальные права, возникающие в цифровом формате? Да, и при трансграничном обороте цифровых прав могут в связи с этим возникать коллизии. Например, ранее мы говорили, что нельзя покупать и продавать цифровые права, как у нас это сформулировано; можно покупать и продавать не права, а активы. К цифровым правам у нас отнесены цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права. Все остальные многообразные действия в электронном формате, в соответствии с электронными правилами цифровых платформ у нас по факту являются «непризнанными цифровыми правами», существующими по факту, законодатель их вводит в оборот и не замечает, не называя их цифровыми правами.

Тогда – это обычные аналоговые права, выраженные в электронном формате. Понять законодателя не трудно: там, где есть международный торговый оборот – для этой цели у нас есть признанные имущественные права, которые именуются цифровыми. Для всего остального – цифровых прав нет. Да и законо-

датель, скорее всего, не готов «поднимать этот пласт» отношений, вводя новые дефиниции, правовые режимы и прочее. Для этого должна быть воля, признание необходимости реформы сейчас или необходимости специальной подготовки и изучения зарубежного опыта. Очевидно, что отечественный законодатель берет паузу, желает подождать, осмотреться, не торопиться, систематизировать зарубежный опыт по изложению и правовым режимам реализации цифровых прав. Скорее, это всего лишь отсрочка, связанная с ожидаемыми масштабными подготовительными работами. В итоге, на данный момент, в России мы не можем пока говорить о цифровых правах как правах нового поколения, «единственным верным их толкованием представляется то, что описано в ГК РФ» [1, с. 67-75].

Тем самым, в Российской Федерации «цифровыми правами» обозначаются «экономические ценности», по сути «цифровые активы», а не права в широком смысле слова, права на них, и почему-то все иные ценности, даже имеющие цифровую форму выражения, пока к цифровым правам не отнесены. И мы пока не можем цифровые права именовать правами нового поколения.

С цифровыми правами совершаются гражданско-правовые сделки. Сделки не должны совершаться с правами, а должны совершаться с активами. Права принадлежат лицам, они являются основой распорядительных полномочий. И отчуждение самих прав – совсем неверный термин законодателя, неточность. Например, мы совершаем сделки с недвижимостью или с правами на нее? Ясно, что лицо, обладающее правом на недвижимость, по этому праву распоряжается недвижимостью. И уже по совершении сделки происходит переход и регистрация прав. Законодатель явно смешал два правомочия.

Необходимо определенно сказать, что дефиниция «цифровое право» не раскрывается и не может быть раскрыта через отождествление его с цифровым финансовым активом. И почему тогда цифровые права не отождествляются с цифровыми нефинансовыми инструментами? Получается, что все остальные права, осуществляемые в электронном формате, опосредующие нефинансовые и неимущественные отношения к цифровым правам не относятся.

Юридически ошибочно ставить в один ряд такие категории как «цифровые права» и «цифровые финансовые активы». Любой здравомыслящий человек понимает, что не могут цифровые права подразумевать только финансовые активы в цифровой форме. Отечественные цифровые права относятся исключительно к экономическому обороту. Например, цифровые права или цифровые финансовые активы (мы установили, что это почти одно и то же) учитываются на цифровых платформах депозитарием, как учитывается акции в реестре акционеров. Законодатель идет чуть дальше, признавая цифровыми правами не только ЦФА, но УЦП (утилитарные цифровые права), возникающие на инвестиционных платформах, например, краудфандинговых и

краудинвестиционных [7, с. 73-76]. Немного «расширив» определение цифровых прав, законодатель позже снова сужает их объем, указывая, что только цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права вместе и составляют цифровые права.

Боязнь законодателя распространить термин «цифровые права» по аналогии с зарубежными практиками как «право на доступ и использование сети Интернет в самом широком смысле» на все отношения в цифровой среде ведет к обеднению правового регулирования, неясностям и разночтениям. Назрела необходимость исчерпывающего определения «цифровых прав» в отечественном законодательстве.

Заключение

Задача национальных государств и, в частности Российской Федерации, состоит в отстаивании права на свою «цифровую юрисдикцию» в процессе всеобщей цифровизации, которая, в конечном счете, может вести со временем к принятию всех решений из одного центра. Может и поэтому наше понимание цифрового права расходиться с зарубежным. В нашей стране под цифровыми правами понимаются исключительно экономические права, возникающие в информационных системах. Все иные права, даже имеющие явную «цифровую выраженность», к цифровым правам не относятся, а являются «дополненной реальностью» аналогового права, например, избирательные права, реализуемые на платформе блокчейн.

Следует предположить, что это не случайность, а стремление нашего законодателя представить «цифровые права» только в той сфере, где осуществляется экономическое взаимодействие с зарубежными государствами. А где такого взаимодействия, нет – там существуют так называемые по факту «ограниченные цифровые права», которые являются «дополненной реальностью» аналоговых прав, «не-до цифровыми правами», «квази-цифровыми правами». Это возможно есть способ «юридического ответа» Российской Федерации на «цифровой вызов», на «новый мировой порядок», проявляющийся как «цифровой правопорядок», только устанавливаемый не военными средствами, а в «мягком варианте» путем подчинения права национальных государств одной юрисдикции, где будут выработываться права, вводиться ограничения на распоряжение ими, и противостоять этому на том этапе будет уже невозможно.

Поэтому, на данный момент, вероятно, России необходимо совместно с рядом дружественных стран

принять варианты действия и формулирования норм, оговорок, правовых режимов действия в отношении международного цифрового права по типу привязок в международном праве, вводя эту соответствующую систему оговорок на практике, ограничений, разрешений, запретов. Так, например, в настоящий период некоторые страны принимают национальные ограничения для оборота криптовалют, цифровых финансовых активов, Интернета в целом и пр.

Возможно, отечественный законодатель не то, что изучает зарубежный опыт формулирования, систематизации и применения цифровых прав, а в принципе не желает использовать зарубежный опыт в сфере действия национального цифрового права, отказываясь тем самым от иных сфер, кроме экономической, взаимодействия по поводу трансграничного оборота цифровых прав. Возможно, государственная политика направлена тем самым в этом вопросе на исключение иностранного влияния и доминирования, недопущение целостного формирования международного цифрового универсального права, определяя свои национальные контуры цифровой юрисдикции, защищая свой цифровой суверенитет.

Для этого постепенно необходимо развивать свою национальную теорию цифрового права, в том числе «национальную блокчейн-юриспруденцию» и в сфере международного права, обеспечивая свой суверенитет в цифровом пространстве правовыми средствами, заставляя считаться со своими трактовками, как мы понимаем цифровые права, чтобы при необходимости вести трансграничный обмен – «не правами», а – ценностями, которые удостоверены цифровыми правами.

Так что в России блокчейн-юриспруденции быть! Мы предполагаем, что на вопрос, поставленный в самом начале, надо ответить утвердительно. Да, России нужны новые передовые технологии, требуется венчурное инвестирование, требуется переосмысление применения права в сфере новых технологий, нужны новые правовые институты в сфере использования цифрового права. Теорию цифрового права необходимо формировать параллельно и даже с опережением по сравнению с принимаемыми нормативно-правовыми актами в данной сфере. Нужен новый системный взгляд на эту «цифровую реальность», ее «правовая оценка», необходима системная выработка соответствующих норм, институтов и иных конструкций для действия цифрового права, т. е., нам нужна национальная «блокчейн-юриспруденция» для формирования национальной «цифровой правовой культуры».

Литература

1. Базазян Е.А. О некоторых вопросах института цифровых прав как объекта гражданского права // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 67–75.
2. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskih-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava> (дата обращения: 06.10.2024).
3. Головкин Р.Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 163–166.
4. Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и цифровая валюта в Российском праве: вопросы правовой природы и соотношения // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 4. С. 159–167.
5. Кресс В.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 4. С. 67–76.
6. Пономарева Н.В. Утилитарные цифровые права как разновидность цифровых прав // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 2 (109). С. 52–58.
7. Правкин С.А., Смирнова В.В. Цифровые права и цифровые финансовые активы // В сборнике: Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования. Сборник научных трудов 5-й Международной научной конференции. Курск. 2022. С. 73–76.
8. Рожкова М.А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в Российском праве // В сборнике: Право цифровой экономики. 2021 (17). Ежегодник-антология. Сер. «Анализ современного права / IP & Digital Law». Руководитель и научный редактор М.А. Рожкова. Москва. 2021. С. 10–68.
9. Смирнова В.В., Правкин С.А. Правовые аспекты регулирования цифровых прав на финансовом рынке // В сборнике: Актуальные проблемы развития социально-экономических систем: практика и теория. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Курск. 2023. С. 217–220.
10. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве // Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. М., 2021.

SYSTEM ANALYSIS

DO WE NEED BLOCKCHAIN JURISPRUDENCE?

Anna A. Chebotareva, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Support of Public Administration and Economics, Russian University of Transport, Moscow, Russia. ORCID 0000-0001-7886-1685.

E-mail: a.a.chebotareva@gmail.com

Sergey A. Pravkin, Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of Public Administration and Economics, Russian University of Transport, Moscow, Russia. ORCID 0000-0003-2407-1404.

E-mail: pravkin@bk.ru

Vladimir E. Chebotarev, Ph.D. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Maritime Law and International Law, Russian University of Transport, Moscow, Russia. ORCID 0000-0003-0278-987X.

E-mail: v.tchebotarev@gmail.com

Keywords: digital rights, legal culture, digital jurisdiction, digital profile, sovereignty, digital identity.

Abstract

The purpose of the work is to determine the mechanism of emergence and disposal of digital rights, the need for the formation of conceptual series and legal structures, the theory of “digital law” to create legal conditions for the possession, disposal of such a right, based on the existing principles of law in analog law, supplementing them with new principles related to the functioning of rights in information systems.

Research methods: general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, as well as the formal-logical method and the method of legal extrapolation.

Results of the research: in the modern period, a digital legal culture and legal understanding are being formed, associated with the fact that on the basis of traditional legal institutions and other arrays of law, their content is being digitized. A new

Системный анализ

law exists in information systems based on blockchain technology, as an intersectoral legal institution of digital law; tangible concepts of blockchain jurisprudence and the rights of a new generation of human rights – digital rights – are manifested.

Scientific novelty and practical significance: the creation and improvement of the national theory of «digital law», the creation of prerequisites for its systematization on the basis of existing or new ways of presentation, providing reliable protection of the owners of digital rights and other persons acquiring and exercising them. set of ordinary rights and the existence of rules for the exchange of one right for another.

References

1. Bazazjan E.A. O nekotoryh voprosah instituta cifrovyyh prav kak ob#ekta grazhdanskogo prava // Voprosy rossijskoj justicii. 2024. № 30. -S. 67–75.
2. Vasilevskaja L. Ju. Token kak novyy ob#ekt grazhdanskikh prav: problemy juridicheskoy kvalifikatsii cifrovogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 5 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyy-obekt-grazhdanskikh-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava> (data obrashhenija: 06.10.2024).
3. Golovkin R.B., Amosova O.S. «Cifrovye prava» i «cifrovoe pravo» v mehanizmah cifrovizatsii jekonomiki i gosudarstvennogo upravlenija // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2019. № 2 (51). S. 163–166.
4. Zajnutdinova E.V. Cifrovye prava i cifrovaja valjuta v Rossijskom prave: voprosy pravovoj prirody i sootnoshenija // Pravovaja paradigma. 2022. T. 21. № 4. S. 159–167.
5. Kress V.V. Cifrovye prava kak ob#ekty grazhdanskikh prav: pravovoe regulirovanie i perspektivy razvitija v uslovijah cifrovizatsii grazhdanskogo oborota // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. T. 26. № 4. S. 67–76.
6. Ponomareva N.V. Utilitarnye cifrovye prava kak raznovidnost' cifrovyyh prav // Jurist#-Pravoved#. 2024. № 2 (109). S. 52–58.
7. Pravkin S.A., Smirnova V.V. Cifrovye prava i cifrovye finansovyje aktivy // V sbornike: Gosudarstvo i pravo: problemy i perspektivy sovershenstvovanija. Sbornik nauchnyh trudov 5-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kursk. 2022. S. 73–76.
8. Rozhkova M.A. Kategorii «cifrovoe pravo», «cifrovye prava» i «cifrovaja valjuta» v Rossijskom prave // V sbornike: Pravo cifrovoy jekonomiki. 2021 (17). Ezhegodnik-antologija. Ser. «Analiz sovremennogo prava / IP & Digital Law». Rukovoditel' i nauchnyj redaktor M.A. Rozhkova. Moskva. 2021. S. 10–68.
9. Smirnova V.V., Pravkin S.A. Pravovye aspekty regulirovanija cifrovyyh prav na finansovom rynke // V sbornike: Aktual'nye problemy razvitija social'no-jekonomicheskikh sistem: praktika i teorija. Sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kursk. 2023. S. 217–220.
10. Cifrovaja transformacija i zashhita prav grazhdan v cifrovom prostranstve // Doklad Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiju grazhdanskogo obshhestva i pravam cheloveka. M., 2021.